

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Иванович Куприн

О пуделе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2524395

Аннотация

«У меня в доме теперь живет черный кобель пудель.
Его зовут Негодяй...»

Александр Иванович Куприн

О пуделе

У меня в доме теперь живет черный кобель пудель.
Его зовут Негодяй.

Так его прозвали вовсе не для того, чтобы оскорбить его собачье достоинство. А просто в то время, когда у него чесались зубы, он грыз ножки столов и стульев, жевал разные любимые портреты и возвращал их в замусленном и гнусном виде, врвался, как бешеный, в курятник домовладелицы, и выгонял оттуда всех кур, и громко кричал на них; от этого они носились по двору, кудахтали и роняли перья.

Однажды он вконец испортил нам любимый фикус.

Однажды во время домашнего маленького концерта он влетел в комнату и так скверно начал аккомпанировать известному скрипачу, что этот скрипач больше уже к нам не заходил и вряд ли когда-нибудь зайдет.

Я уже не говорю о тех неприятностях, которые он причинял прислуге. И даже, кажется, потихоньку его били в кухне за это.

Сегодня утром я предложил ему хлеба с маслом; но он осторожно и, видимо, только из вежливости слизал одно масло, и опять улегся у меня в ногах, и глядел на меня груст-

ными, вопрошающими глазами.

Я хорошо знаю, что ему исполняется теперь год, и, стало быть, время собаке гулять, но я так же твердо знаю и то, что в этом бедном животном проснулось сознание и что животное от этого несчастно.

Неутомимо, вежливо, настойчиво тянет он меня выйти вместе с ним на улицу и непременно сесть на извозчика и поехать, а он в это время будет бежать рядом с экипажем и лаять на колесо, которое вертится! Потом он забежит вперед и будет прыгать с лаем на лошадиную морду. В это время он говорит ей:

– Пожалуйста, остановись, дай мне обдумать, почему колесо вертится, я не могу этого понять, я хочу это понять!

Но это не трогает лошадь; в ней еще живы большие животные инстинкты, которыми мы, люди, пользуемся так равнодушно, то есть пользуемся ее силой, памятью местности, очень большой нервностью, красотой ее форм, ее глупостью, ее неприхотливым питанием.

Она бежит под кнутом в слепом ужасе и думает об овсе.

И вот бедный черный пудель опять возвращается ко мне, вспрыгивая на пролетку, садится рядом со мной и плачет:

– Объясни же мне, ты, умный, непостижимый для меня волшебник, ты, который умеешь делать чудеса, зажигать огонь, которому так легко достается пища, взгляда которого я не могу перенести, – объясни мне: отчего колесо вертится? Зачем я существую на этом свете? Почему так непреодолимо

я привязан к тебе, и не лучше ли было бы мне бегать исхудалым и злым волком в лесной трущобе, спать под корнями дерева и с наслаждением лакать кровь зайца, которому я перекусил горло? Милая, добрая, бедная собачка, друг мой!.. В том-то и дело, что и мне живется не лучше, чем тебе. В том-то и дело, что и я целую край усыпанной звездами ризы бога и спрашиваю его в тоске и мучениях:

– Что такое время? Что такое движение? Зачем я так бессмысленно и мало живу? И отчего каждый шаг моей жизни отравлен страданием? Даже иногда и сладким страданием? Милый мой, добрый пес, нам на это никто не даст ответа.

И может быть, он сам теперь плачет где-нибудь, обливаясь слезами, томясь от ужаса и боли и от того, что в нем проснулось сознание.

А может быть, все это до такой степени просто, что мы с тобой, с нашими мучениями, смешны? Может быть, сидит где-нибудь этакий хитрец и отлично знает, что все дело заключается в изящной, простой и очень несложной алгебраической формуле?

Сидит и знает, но из проказливости не расскажет нам с тобой, милый, черный песик Негодяй.

Никогда не расскажет!